

Все началось с того, что тетушка Сусанна выпала из окна. По-настоящему она не была моей тетей, она была дальней родственницей моего второго мужа и досталась мне по наследству вместе с его славным именем и домом, который он изрядно изуродовал, пытаясь перестроить по собственному проекту.

Старушка смутно помнила русско-японскую войну, и по самым скромным подсчетам ей давно перевалило за сотню лет, что отнюдь не мешало Сусанне вести чрезвычайно активный образ жизни. Лет двадцать назад она начала обратный отсчет своим годам, и теперь выходило, что ей восемьдесят семь. Утверждение, начисто лишённое логики. Какая в этом случае русско-японская война? Софья заявила, что старушка просто выжила из ума, с чем я решительно не могла согласиться. Несмотря на свой преклонный возраст, тетка Сусанна отличалась твердой памятью (особенно на чужие проступки), невероятным ехидством и редким умением довести до белого каления любую человеческую особь, будь то младенец

или убеленный сединами философ. Достаточно было одного взгляда на сморщенное личико Сусанны с пакостной улыбкой и злыми глазками, чтобы захотелось незамедлительно придушить ее.

Софья неоднократно высказывала удивление, почему я терплю Сусанну в своем доме, коли она мне даже не родственница. Кстати сказать, с моим вторым мужем они терпеть друг друга не могли и ругались как минимум трижды в день. Однажды Костас даже запер ее в кладовке. Поступок, безусловно, недостойный мужчины. Старушка, как только выбралась из заключения, огрела его палкой, на которую опиралась при ходьбе, и сумела-таки пробить ему череп. И это несмотря на то, что отличалась subtilностью, а к тому времени и вовсе усохла, а голова моего супруга, по мнению его недоброжелателей, славилась невероятной крепостью (недоброжелатели произносили это словосочетание издевательски, имея в виду, что супруг невероятно туп).

Так вот, несмотря на застарелую вражду между родственниками и давнюю кончину Костаса, Сусанна продолжала жить в нашем доме. Этому было две причины. Первая: в доме для престарелых старушку за ее дурной нрав непременно кто-нибудь придушит, вторая: отличаясь острым взглядом и злым языком, она не давала мне возможности расслабиться, всегда поддерживая в нужном тоне.

Если Сусанна ядовито замечала: «Что-то ты

скверно выглядишь», надо было срочно отправляться к косметологу, пока я действительно не начала выглядеть скверно. Домашние ее терпеть не могли, что и неудивительно. Больше всех от нее доставалось поварихе Розе и домработнице Наталье. Татарка Роза — существо доброе, милое и улыбочливое — при виде Сусанны стискивала зубы с такой свирепостью, что становилась похожа лицом на Тамерлана. Тетушке сие доставляло явное удовольствие.

Всем в доме Сусанна дала прозвища. Меня неизменно называла аферисткой, Софью — приживалкой, детей моего третьего мужа соответственно — лоботрясом и дурочкой, Розу — отравительницей, а Наталью — грязнулей. Любви домашних ей это не прибавило. Они бурчали под нос, что старушка задержалась на этом свете, мол, пожила, пора и честь знать.

Каюсь, эти мысли иногда приходили в голову и мне, но, к чести моей, лишь в минуты слабости. В глубине души я была уверена, что Сусанна существо бессмертное, посланное нам за грехи, и не сомневалась, что она переживет меня и отойдет по наследству детям. И то, что Сусанна едва нас не покинула, явилось для меня громом среди ясного неба.

В то утро мы с Софьей пили чай на веранде и составляли список гостей, которые ожидались завтра. Специально мы никого не приглашали, решив, что те, кому надо, сами явятся, и теперь прикидывали, «кому надо». По-

вод, для того чтобы собраться, был невеселым, но ответственным: завтра исполнялся ровно год, как мой муж, Борис Артемьев, скончался от цирроза печени, оставив мне своих двоих детей от первого брака и светлую память. Литературная общественность до сих пор скорбит по поводу этой утраты, так как мой муж был известным беллетристом. Настолько известным, что читатели (особенно читательницы) сходили по нему с ума. Популярность стала для супруга тяжелой ношей, он запил, как это водится у российских гениев, и скоропостижно скончался на пятьдесят третьем году жизни, правда, оставив два практически законченных романа (возможно, даже три или четыре, он был очень плодовит). Сусанна как-то высказалась по этому поводу:

— И когда он только пишет, ведь с утра пьян в стельку.

— Фолкнер пил даже больше, — нашлась Софья, — и умудрился стать классиком.

— Вот уж не знаю, — ядовито усмехнулась Сусанна, что было истинной правдой: Фолкнера она знать не знала.

— Гений может творить в любом состоянии, — гнула свое Софья, хоть и знала, что спорить с Сусанной — зря терять время.

— Это Борька-то гений? — хихикала старушка. — Дурак он, прости господи, никчемный мужичишко. И если б наша аферистка не подобрала его, он до сих пор валялся бы на помойке, где ему самое место.

Софья вздыхала, а я лишь пожимала плечами. Кое-что в словах старушки вполне могло сойти за правду. На момент нашего знакомства с Борисом Петровичем он был никому не известным гением в возрасте сорока пяти лет, которого никто упорно не хотел печатать. Иногда ему удавалось запихнуть рассказик в какой-нибудь толстый журнал, но, так как журналы сами бедствовали, гонораров на хлеб насущный ему не хватало. Борис Петрович существовал на деньги брата. Он впал в пессимизм, ненавидел всех, особенно издателей и писателей, успешным собратьям по ремеслу яростно завидовал и исходил лютой злобой.

Я в то время вдовствовала, только что похоронив своего второго мужа, известного художника Костаса Одинцова. На самом деле его звали Константином, но ему казалось, что «Костас» звучит гораздо впечатляюще, и он придумал себе бабку — то ли грузинку, то ли гречанку. Может, такая и была в наличии, но из всей его родни я знала лишь Сусанну, которая изводила Костаса насмешками над его живописью и называла мазилкой.

Кстати, когда мы познакомились с Костасом, он тоже числился непризнанным гением. Наш брак, то есть обрушившееся на него счастье, перевернул душу художника, и он внезапно создал шедевр (так считали многочисленные критики), потом второй, потом шедевры бесперебойно последовали один за другим. Картины охотно раскупали иностран-

цы. Теперь они находятся во многих частных собраниях и музеях мира, а стоят столько, что мне иногда становится неловко. Так как первым шедевром был мой портрет, да и потом Костас очень часто рисовал меня, малая толика его славы досталась и мне.

На первой картине у меня была кошачья голова (но мои черты угадывались), на второй моя голова на кошачьем теле. Кто-то робко назвал Костаса русским Сальвадором Дали. И понеслось... К сожалению, муж, работая как проклятый, подорвал свое здоровье, чему способствовала и неумеренная тяга к спиртному, и скончался в апофеозе славы.

Это я к тому, что на момент встречи с Борисом у меня имелся опыт общения с гениями, причем Костасом он не ограничивался. Первый мой муж — итальянец — до сих пор безумно популярен на своей родине, хотя и умер пятнадцать лет назад. Мы познакомились в Питере, куда Антонио прибыл на гастроли в составе ансамбля итальянской поп-звезды. Этому крикливому певцу он, кстати, страшно завидовал. Мне в то время только что исполнилось восемнадцать, я была романтична, глупа, мечтала жить за границей и могла влюбиться в кого попало, а тут все-таки музыкант. Наш роман был бурным, по-итальянски темпераментным и закончился свадьбой. Он увез меня в Рим, и я смогла убедиться, что мои мечты о заграничье не имеют ничего общего с действительностью.

Дабы не умереть от скуки, а заодно и от голода (муж вскоре ушел от звезды, обозвав того бездарем и занудой), и вспомнив, что за плечами у меня музыкальная школа, я начала петь в захудалом ресторанчике по соседству с нашим домом. Антонио по доброте душевной написал для меня несколько песенок, чтобы разнообразить мой репертуар. Песенки неожиданно понравились. Потом меня услышал музыкальный продюсер, бог знает как оказавшийся в нашем заведении. Последовал невероятный поворот судьбы, и мой муж в одночасье стал знаменитым. Звезды выпрашивали у него песни, звукозаписывающие студии рвали на части, а он на пути к вершине славы внезапно утонул в ванне. Сел в холодную воду с желанием протрезветь, но вместо этого уснул и захлебнулся. Я в то время находилась в Милане и не могла при всем желании вытащить его из ванны. Знал бы он, какая слава ждала его впереди, поостерегся бы трезветь подобным образом и просто вставал бы под холодный душ.

Похоронив мужа, я, порывшись в его бумагах, обнаружила еще семь очень неплохих мелодий. Я продала их с большой для себя выгодой и вернулась на родину, решив, что в Италии, по большому счету, делать мне нечего.

Родина встретила меня ласково: вдова известного итальянского композитора и сама почти певица. При желании я бы могла сделать неплохую карьеру, но желания у меня не было. Я искала спутника жизни и мечтала о

женском счастье (сказать по правде, нашу жизнь с первым мужем назвать счастливой можно было лишь в приступе белой горячки).

Претендентов на мою руку и сердце было множество, но как-то не верилось, что кто-то из них в самом деле меня осчастливит. Одних интересовали мои деньги, других неземная красота. И те и другие намеревались попользоваться, а мне хотелось, чтобы меня носили на руках.

Вот тут-то и появился Костас, его привел ко мне в гости один мой знакомый поэт. Костас уничтожил все продуктовые запасы в моем холодильнике и между делом научил меня смешивать краски. Я была ему благодарна и вскоре вышла за него замуж. Потом он сделался знаменит, запил и умер, а я вновь задумалась о женском счастье.

К тому моменту я была очень богатой женщиной и мне следовало соблюдать осторожность, потому что аферистов, как известно, пруд пруди, а мы настолько беспомощны, когда речь заходит о чувствах... Многие кандидатуры были с негодованием отвергнуты мною. Бизнесмены и политики меня пугали, душа стремилась к людям творческим, и тут Борис Петрович Артемьев попал под колеса моей машины.

Произошло это поздней осенью в десять часов вечера. Фонари в переулке отсутствовали, а Борис Петрович игнорировал светофор и к тому же переходил дорогу в неполюженном месте. В результате заметила я его слишком

поздно. Я затормозила, отчаянно взвизгнув. Он метнулся, точно испуганный заяц, но все равно его бедро пришло в соприкосновение с крылом моей машины. Он рухнул на асфальт. Я выскочила из машины. Борис Петрович сто-нал, но в больницу ехать отказался наотрез. В результате я привезла его к себе, где мы и познакомились.

Борис влюбился в меня с первого взгляда. По крайней мере, он не раз заявлял об этом в своих многочисленных интервью. Не берусь утверждать, но точно помню, что мою квартиру после происшествия в переулке он покидал крайне неохотно, ближе к вечеру следующего дня. За это время он успел трижды покушать, принять ванну, выспаться и рассказать мне историю своей жизни. В ней было много страданий и завистников. Я прониклась сочувствием, тем более что Борис Петрович без конца потирал поврежденное бедро и морщился. Через день он пришел опять, сообщив, что обнаружил во мне родственную душу. Согласитесь, такое происходит не часто. Потом он стал захаживать ежедневно и вскоре уже практически не покидал моей квартиры — должно быть, из-за боязни, что назад я его не пушу. Но я была далека от этого. Стоя возле камина с кружкой горячего глинтвейна, Борис Петрович сообщил, что намерен взяться за роман, что и выполнил буквально на следующее утро, то есть позавтракал и взялся. Процесс увлек не только его, но и меня, роман был написан в

рекордные сроки: двадцать семь дней. Потом еще три месяца Борис Петрович, как он выразился, его отшлифовывал и наконец-то отнес в издательство. Рукопись приняли и вскоре напечатали. Книга стала бестселлером, а Борис Петрович уверенно устремился к вершинам славы. Но перед этим сделал мне предложение. Мы обвенчались в сельской церкви на родине Артемьева и восемь лет прожили душа в душу, хотя, не выдержав бремени счастья, Борис Петрович начал употреблять, увлекаясь алкоголем все больше и больше. Но я к этому относилась с пониманием, и данное обстоятельство разлад в семью не внесло.

Однако моя забота все же не спасла Артемьева от безвременной кончины, которая произошла год назад. И теперь мы с Софьей прикидывали, сколько народу прибудет завтра, чтобы подготовиться, не ударить в грязь лицом и достойно помянуть покойного.

— Шампанское вряд ли понадобится, — заметила Софья, качая ногой и играя шлепанцем. По причине жары она была в шортах, майке, смешной шапочке с ушками из пластмассы. Наряд совершенно нелепый, но он очень нравился Софье, а Софья нравилась мне.

Она считалась моим секретарем, но была подругой, хотя и работы ей хватало. Наследство, доставшееся мне от трех мужей, требовало внимания. Авторские права Артемьева перешли ко мне, издательства умоляли передать им рукописи, которые муж практически за-

кончил. В общем, голова пухла от множества дел, и обойтись без Софьи было невозможно.

Она жила в нашем доме, потому что семьи у нее не было и она не собиралась ею обзаводиться. Сейчас, разглядывая ее, я вдруг поняла, что она спятила: красивой молодой женщине стоило подумать... Впрочем, у нее было столько романов, что недостаток в любви она вряд ли испытывала, а семья... в конце концов, у нее есть я, а у меня есть она. Совсем неплохо, если вдуматься.

Софья среднего роста, стройная, ее фигура до недавних пор больше напоминала мальчишескую. Потом Софья решила, что ее необыкновенно украсит роскошный бюст, и отправилась за ним в клинику. После хирургического вмешательства бюст превзошел самые смелые ее ожидания, Софья невероятно гордилась им и охотно демонстрировала.

— Куда ты смотришь? — вдруг спросила она, оторвавшись от бумаг, что лежали на столе.

— На твой бюст, — ответила я.

— Миленько смотрится, правда?

— Ты говоришь о нем, как о новой шляпке, — усмехнулась я.

— Трудно воспринимать его органично, — скривила она забавную физиономию и тут же добавила: — Тебе этого не понять, у тебя настоящий лучше моего силиконового. И мои страдания...

— У тебя ноги красивее, чем у меня, — по-

спешила заверить ее я, желая отбить у нее охоту жаловаться.

— Не смейся, — презрительно фыркнула Софья. — Ты само совершенство. Мне понадобится угробить не один год, прежде чем я смогу приблизиться... Я тебя про шампанское спросила, — нахмурилась она. — Ты все знаешь, скажи, шампанское уместно на поминках?

— Закажи десяток бутылок, — пожалала я плечами. — В конце концов, это встреча старых друзей...

При слове «друзья» Софья закатила глаза, давая понять, что она думает о таких друзьях.

— Хорошо. Пусть лежат на всякий случай, у тебя через месяц день рождения, все равно покупать. Красное вино есть, белого тоже хватит. Закажу мартини, коньяк прислал Ашот, кстати, он звонил, возможно, на днях заглянет... В доме нет водки, а твои литературные дамы хлещут ее стаканами. Придется заказать ящик.

— Аглая тоже перешла на водку, — заметила я. — Утверждает, что для здоровья она полезней.

— Она ж коньячок уважала.

— Теперь она вегетарианка, а из алкоголя пьет только водку, причем исключительно «Довгань Дамская».

— Вот как, — Софья быстро сделала пометку в ежедневнике. — Водка вправду хорошая, или дама, как всегда, интересничает?

— Хорошая, — кивнула я. — Я пробовала.

— Ты пила водку? — вроде бы не поверила Софья.

— Как русский человек, имею право расслабиться. По-моему мнению, водка должна отвечать трем требованиям: не вонять так, что с души воротит, иметь мягкий вкус, чтобы плечами не дергать, когда пьешь, а главное, с утра не мучиться головной болью. Всем трем условиям она отвечает, так что пиши: водка «Довгань Дамская», ящик.

— Чем больше я тебя знаю, тем больше убеждаюсь, что не знаю тебя вообще, — посетовала Софья.

— Что еще за глупости?

— Нет, правда, ну где ты водку пила? У себя в комнате, когда никто не видит?

— На приеме у Соболевского, куда ты со мной не поехала. И там как раз подавали «Довгань Дамскую». Жена Соболевского большая поклонница этого напитка, все уши прожужжала. Оказывается, это старинный рецепт, который был утерян. В наше время правнучка некоего дворянина с юга России нашла его в бумагах предков и решила возродить производство.

— Везет же некоторым. Мне предки оставили только долги по квартплате. И что дальше? Девушке повезло и она разбогатела?

— Насчет богатства не знаю, но качество водки отменное. В старину дамы ее очень уважали, отсюда и название. Соболевская рассказывала, что у девушки было несколько рецеп-

тов, но их похитил один шустрый малый, од-нофамилец, который набивался в родню. Потрясающая детективная история. Жаль, Ар-темьев умер, мог бы использовать ее в своем романе.

— И чем же все закончилось?

— Шустрый малый позаимствовал все ре-цепты, кроме одного. Этой самой «Довгань Дамской». Рецепт был в любовном письме, которое, по счастью, в руки ему не попало.

— С мужиками надо держать ухо востро. Слушай, а из чего вообще водку делают? — до-думалась спросить Софья.

— «Довгань Дамскую» делают с использо-ванием настоя яблок и винограда. Причем оп-ределенных сортов. А вообще из чего угодно. Текилу, к примеру, из агавы.

— Брехня, — нахмурилась Софья. — Хотя черт его знает... Лучше свое, отечественное. Яблоки и виноград все-таки предпочтитель-нее агавы.

— Естественно, что после таких рассказов я не могла не попробовать «Дамскую». Попро-бовала и осталась довольна.

— А-а, — кивнула Софья и вроде бы успо-коилась. Надо сказать, она довольно ревнива и терпеть не может, когда что-то в моей жизни происходит без ее участия. Но в данном случае она сама виновата, к Соболевским ее пригла-шали, но она не поехала: полгода он был ее любовником, и у Софьи, по ее собственному выражению, «глаза на него не смотрели». —

Меню с Розой мы уже составили, напитки закажу сегодня, остается определиться с гостями. Ты, я, Макс, Кристина, наши литературные дамы в количестве четырех штук... Далее: в гости напрашивается некий господин Хоботов, пишет, что он друг покойного. Ты такого знаешь?

— Должно быть, собутыльник. Пусть приезжает, места хватит всем.

— Твоя доброта не знает границ, — совершенно серьезно заметила Софья. — Еще письмо от некой Болеславской Ирины Витальевны. Эта пишет, что она твоя закадычная подруга, хотела бы встретиться, выразить сочувствие, и все такое...

— Болеславская? — задумалась я. — Ах, это Ирина, мы с ней вместе в цирке работали.

— Ты работала в цирке? — растерялась Софья.

— Я там клетки чистила. — Лицо ее вытянулось, а мне стало стыдно. — Вру. Я была ассистенткой фокусника, он засовывал меня в ящик, а потом распиливал.

— По-твоему, я так тщательно составляла твою биографию для того, чтобы ты отмачивала свои шуточки? — сурово поинтересовалась Софья. — Не вздумай такое брякнуть при посторонних.

— Позвони Ирине и скажи, что я с радостью встречу с ней, — предпочла я сменить тему.

— Будет еще Чемезов, приятель Кристины. Как думаешь, у них это серьезно?

— Надеюсь.

— Макс тоже собирался пожаловать с подружкой. У него их три десятка, потому не знаю, с какой именно.

— Оставь мальчика в покое, — отмахнулась я.

— Кстати, о мальчике. Когда поблизости болтаются фотографы, старайся держаться от него подальше.

— С какой стати? — удивилась я.

— Зачем вызывать у людей ненужные мысли? Общественность считает, что тебе где-то в районе тридцати, а тут взрослый парень в сыновьях.

— Он сын Артемьева.

— Неважно. Мысли все равно возникают.

— Ну и что? Я же не солистка девчачьей группы...

— А вдруг ты ею решишь стать? — пожала плечами Софья. — Опять же на последней фотографии в журнале ты выглядела моложе Макса, а он так старательно тебя обнимал...

— Ты совершенно спятила, — разозлилась я. — Я люблю Макса, он хороший мальчик...

— Он успел вырасти, ему уже двадцать три года. И теперь, когда умер его отец...

— При чем здесь это?

— Смею напомнить, — в свою очередь разозлилась Софья, — что желтая пресса окрестила тебя «профессиональной вдовой». Твои

мужья умирали на пике карьеры, оставив тебе приличное состояние, а главное, авторские права. Кстати, опять звонили по поводу твоего портрета. Его просто жаждут приобрести...

— Мне не нравится выражение лица на этом портрете.

— Опять-таки смею напомнить, что ты тра-тишь слишком много, наши расходы...

— Продадим портрет с синей рюмкой, — перебила ее я.

— С чем? — скривилась Софья.

— С синей рюмкой. А что, звучит неплохо. Под таким названием и представим его в каталоге. Через три месяца аукцион, и мы опять разбогатеем. К тому же не забывай о книгах Артемьева. Скворцова жаждет их получить, а это значит, мы заключим договор на самых выгодных для себя условиях.

— Только держись подальше от Макса, — вздохнула Софья. — Его чувства к тебе ничего общего с сыновними не имеют.

— Прекрати говорить гадости.

— Я не говорю гадости, я констатирую факт.

— Ему прекрасно известен мой возраст...

— А кого это волнует? Уж точно не его.

— Такие отношения совершенно бесперспективны, Макс разумный мальчик и понимает...

— Вот уж нет. Я не его разум имею в виду. Тут ты права, он в семействе точно приبلудный. То есть по поводу мамы ничего не скажешь, умна, стерва, а папуля... тьфу ты, о по-

койниках плохо не говорят. Кажется, я мысль потеряла.

— Не ищи ее, лучше выпей чаю.

— Ах да, вспомнила. Макс умный мальчик, но он в тебя влюблен. Разница в возрасте имеет место быть, но ты молодая женщина, красавица и способна...

— Прекрати, — взмолилась я. — Звучит, как на моих похоронах, я сосредоточие всех достоинств.

— Недостатки тоже есть, — пожалала плечами Софья. — Но они не идут ни в какое сравнение... А если кто-то из желтой прессы разнюхает... Один намек — и скандала не избежать. Вся эта свора завопит, что ты свела мужа в могилу, чтобы заполучить сыночка, или что сыночек свел в могилу папашу, чтобы расчислить себе дорожку, что для нас ничуть не лучше. Мальчик восхищается тобой, я бы даже сказала, благоговеет, но если ты поведешь себя с ним не как мачеха, а как женщина...

— Господи, как ты мне надоела, — не выдержала я. — Ты же знаешь, я люблю Макса как сына, которого у меня никогда не было и, похоже, не будет. Меня никогда не интересовали мужчины моложе меня, во мне слишком развит материнский инстинкт, хочется им помочь, оградить от неприятностей, но не более того. И здесь даже неважно, на сколько лет он моложе — на три или на десять.

— Слава богу, значит, стоит опасаться только тех, кому ближе к сорока, чем к три-

дцати, — дипломатично выразилась Софья. — Но и здесь неплохо бы повременить. Твое последнее увлечение...

— Замолчи немедленно, — по-настоящему разозлилась я. Софья схватила чашку и с постным видом отхлебнула глоток. Я отвела взгляд с намерением насладиться пейзажем.

Вид с веранды открывался великолепный. Дом находился в пригороде, в весьма живописном месте. До ближайшей остановки троллейбуса отсюда всего-то десять минут на машине, а чувство такое, что ты за тысячу километров от цивилизации.

Этот дом мы купили у чиновника высокого ранга, который по милости злодейки-судьбы оказался под следствием. Вокруг шумел сосновый бор, полтора десятка домов совершенно терялись в нем. Участок огромный, на нем тоже росли сосны. Дом стоял на высоком берегу реки, к которой вела мраморная лестница, на реке была устроена купальня.

Разумеется, вся территория была обнесена высоким забором. Попасть на территорию, так сказать несанкционированно, можно лишь по воде, ставить забор в реке показалось глупым даже высокому чиновнику, а меня и вовсе заборы не занимали. Даже от видеокamer я отказалась. Конечно, имелась сигнализация, но ею пользовались, только когда я надолго уезжала, а Роза и Наташа на это время покидали дом. Кроме них, при доме практиче-

ски постоянно жили двое мужчин: сторож и садовник. Оба преклонного возраста.

На реке, кроме купальни, была пристань, возле которой в настоящий момент замерли две моторки. Костас после покупки дома пытался все здесь перестроить, но я вовремя вмешалась, и нанести настоящий ущерб дому он не успел. Возвел лишь застекленную веранду вдоль всего фасада, несколько изувечив его, но здесь было очень приятно отдохнуть, и я смирилась.

Дом был построен в форме буквы П, повернутой ножками в сторону реки, фасад в неоклассическом стиле (до вмешательства Костаса, разумеется) выходил к дороге, правда, от дороги дом отделяли сосновая роща и лужайка, с двух сторон были разбиты цветники. Возле ворот домик сторожа. От домика к реке шла березовая аллея.

Я любила этот дом и предпочитала жить здесь, хотя не всегда это удавалось, мне часто приходилось колесить по свету. Зато я всегда знала, что меня ждет мой дом.

Пейзаж, легкий ветерок, солнце, которое довольно высоко поднялось над рекой, настроили меня на лирический лад. Я блаженно потянулась и тут вспомнила, что время неумолимо движется к полудню, а я еще в пеньюаре.

— Парикмахер будет в одиннадцать, — точно угадав мои мысли, сказала Софья. Я кивнула.

— Тогда с чаепитием закругляемся.

Я уже собралась встать, когда на веранде появилась Наталья.

— Лариса Сергеевна, — сказала она, — вам письмо. — И протянула мне конверт. Вообще-то почту разбирала Софья, оттого поступок Натальи слегка удивил меня. О распределении обязанностей ей хорошо известно, но тут она добавила: — Просили лично в руки и срочно.

— Кто просил? — нахмурилась Софья, наблюдая за тем, как я вскрываю конверт.

— Подъехал парень на «Жигулях». Курьер, наверное, — пожала плечами Наталья. — Семеныч конверт принял — и ко мне.

— Сколько раз повторять, никакой самодеятельности, — вздохнула Софья. — Вам бомбу в руки сунут, а вы ее с благодарностью принесете в дом.

— Какую бомбу? — испугалась Наталья.

— Софья шутит, все нормально, — кивнула я. Наталья ушла, а я нахмурилась, потому что к тому моменту уже извлекла письмо из конверта и ознакомилась с его содержанием. Письмо было лаконичным. «Готовься к расплате».

— Что там? — насторожилась Софья. Я молча передала ей листок. Она взяла его в руки и тоже нахмурилась. — Вот зараза, подписи нет. Как думаешь, кто это? — Я пожала плечами. — По-твоему, это серьезно? Есть на нас какой грех, или злопыхатели?

— Кто ищет, тот всегда найдет, — философски заметила я. — Но письмо серьезным

мне не представляется. Кто-то решил попу-
гать накануне знаменательной даты.

— Кто-то из почитателей Артемьева, кото-
рого ты, по их мнению, свела в могилу?

— В могилу Артемьева свело пьянство. Но
кому это интересно?

— Не хотела говорить тебе, но в одной из га-
зетенек появилась статья к годовщине смерти
знаменитого писателя, и там черным по белому
написано, что ты его отравила. А далее намеки
на твои связи и прочее... Мол, оттого никто не
удосужился провести следствие. То, что супру-
га кремировали, болтунам лишь на руку.

— Это была воля покойного.

— Да плевать на нее, — отмахнулась Со-
фья. — И в земле бы полежал, невелика разни-
ца. — Тут она вдруг замолчала и с сомнением
посмотрела на меня. Я пожалала плечами. —
Зная его надоедливость... чего доброго, начал
бы по ночам таскаться.

— О господи...

— Лариса Сергеевна, — услышала я. В две-
рях стоял Семеньч с очень решительным вы-
ражением лица. В руках он держал grossбух,
которым потрясал в воздухе, точно щитом. —
Чего это Наталья ругается? Я все по правилам
сделал, документ проверил, номер записал.
Вот, Софья Андреевна, полюбуйте, у меня
комар носа не подточит. — Он хлопнул gross-
бух на стол перед Софьей и победно взглянул
на меня.

— Чего тут? — буркнула подружка.

— «Жигули» номер 404 КИ.

— Служба доставки?

— Так точно. И документ соответствующий у молодого человека имелся. Иначе бы я не принял. Я правила знаю.

— Черта лысого ты знаешь, — услышали мы скрипучий голос, и все трое невольно вздрогнули.

На веранде появилась тетушка Сусанна в цветастом платье, соломенной шляпке и нитяных перчатках. Жизнь изрядно скрючила ее, она опиралась на дубовую палку, и если бы не веселенький наряд, запросто могла бы играть Баб-ягу без грима. Злобное выражение физиономии сходству только способствовало.

Сусанна ткнула своей клюкой в сторону Семеныча и прошипела:

— Дармоеды проклятые. Расплодила, аферистка, сама непутная и всяческую шваль вокруг себя собирает.

— Иди, Семеныч, — поспешно сказала я. Он бочком просочился мимо Сусанны, пребывая в величайшем напряжении: старушке ничего не стоило огреть его клюкой, сила в ее тщедушном теле была прямо-таки фантастическая.

Но Семенычу повезло, он выскользнул за дверь без всяких увечий, не удержался и, пользуясь тем, что Сусанна теперь от него довольно далеко, а главное, стоит спиной, досадливо плюнул.

— Чай они пьют, — продолжила Сусан-

на. — Бездельницы. А ты, лошадь здоровая, в коротких штанах, — комплимент адресовался Софье, — весь срам наружу, смотреть противно... Полный дом дармоедов, а за порядком смотреть некому.

— Тетушка, не хотите ли чаю? — ласково предложила я.

— Пила уже. Три раза пила. Ты мне лучше скажи, кто к тебе шастает, бесстыдница? Только мужа похоронила, чтоб на нем, кровопийце, на том свете черти воду возили, а уже за старое? В монастырь тебе надо, грехи замаливать, а ты все...

— Если она уйдет в монастырь, вам придется переехать в дом для престарелых, — ядовито сказала Софья и улыбнулась от уха до уха. — Так что подумайте, прежде чем давать дурацкие советы.

— Тебя забыли спросить. Молиться тебе надо, — вновь обратилась ко мне Сусанна, — а не с мужиками шашни крутить. Бесстыдница.

— Тетушка, какие шашни? Я весь год в посту и молитве. В эротическом смысле.

— А к кому тогда шастает? Значит, к этой голенастой.

— Вот уж нет, — возмутилась Софья. — Да с чего вы взяли?

— А с того, что слышу. Две ночи подряд по коридору шмыг-шмыг, возле твоей двери затихнет, а через час назад — шмыг.

— Через час? Это не ко мне, — покачала го-

ловой Софья. — Я б своего до утра не отпустила.

— Слушать тебя тошно, — рыкнула Сусанна.

— Тогда с глупостями не приставайте.

— А вам не послышалось? — спросила я, нимало не сомневаясь в правоте Сусаниных слов, что-что, а слух у старушки отменный, так же, как и взгляд. Ей бы в милиции служить розыскной собакой.

— Мне не слышится, потому как я в трезвом уме пребываю. Водку ящиками не заказываю.

— Тетушка, вам никто не говорил, что подслушивать нехорошо? — робко заметила я.

— Тебе в ноги мне поклониться надо, — возвысила она голос. — На мне весь дом держится. Если б не я, ты давно бы по миру пошла с такими-то друзьями и советчиками.

— Давайте вернемся к тому, кто шастает по коридору, — дипломатично предложила Софья.

— Шастает, — удовлетворенно кивнула тетушка. — Две ночи подряд, либо к тебе, либо к Ларке. У вас двери напротив, он там замирает, и более его, подлеца, не слышно.

Мы с Софьей с недоумением взглянули друг на друга. В том, что ко мне никто не «шастает», я была абсолютно уверена, но и в том, что шастают к Софье, тоже сомневалась. Прежде всего, таиться ей ни к чему, ее возлюбленный мог появиться здесь вполне официально. А если не мог? Если он по какой-то

причине вынужден хранить свою любовь в тайне? Софья совершенно не способна иметь от меня секреты, непременно бы проболталась. Да и я заметила бы ее мучения, потому что по-другому словесное воздержание и не назовешь.

Однако, если Сусанна говорит «шастает», тут тоже можно не сомневаться, ее качества ищейки заслуживали лучшего применения. Выходит, Софья вынуждена скрывать от меня возлюбленного, а скрывать она его может лишь в том случае, если ее интересы идут вразрез с моими. Если учесть, что у меня нет мужчины даже на примете, то... «Макс, — подумала я. — То-то она так беспокоится о моей нравственности». Софья смотрела на меня с задумчивостью, потом вдруг поморщилась, закусила губу и отвернулась. Почему-то я была уверена, что то же самое имя пришло в голову и ей. Интересно, почему она отвернулась: решила, что я догадалась, или подозревает, что он действительно ходит ко мне, и досадует на мою неосторожность? Надо бы все это выяснить, разумеется, когда мы избавимся от Сусанны.

— Что примолкли, вертихвостки? — точно получив сигнал к бою, возопила старушка.

— Может, вам стоит принимать успокаивающее? То есть я хотела сказать снотворное? — поспешно поправилась я.

— Я бы и так прекрасно спала, не устрой вы в доме бордель.

— Это уж слишком, — пробормотала Софья и зачем-то схватила сахарницу. Я испугалась, что она, чего доброго, метнет ее в старушку, и торопливо поднялась.

— Меня ждет парикмахер.

— Все прихорашиваешься, — мгновенно отреагировала тетушка. — Прямо расцвела, как мужа-то схоронила. Другие слезы льют, а ты все хорошеешь. Вон как скачешь, точно коза. А ведь уже не девочка. Сколько тебе годов-то будет, я все забываю?

— Я ровно в пять раз моложе вас, — ответила я с ласковой улыбкой. — Вы вполне могли бы быть моей прапрабабушкой.

— Это точно, — кивнула Софья. — Возьмите калькулятор и сосчитайте. Только боюсь, что свой возраст вы успели забыть.

— Не волнуйся, — ответила Сусанна, а мы поспешили покинуть веранду, таким образом, поле боя осталось за ней.

— Когда-нибудь я ее придушу, — мечтательно сказала Софья. — Слушай, а каков возраст долгожителя, зарегистрированного в Книге рекордов Гиннеса? — с беспокойством спросила она.

— Каким бы он ни был, Сусанна его переживет, — сладким голосом убила я чужую мечту. — Авраам жил девятьсот лет, если верить Библии.

— Кто ж Библии не верит? Мама дорогая... — Мы разом засмеялись, спускаясь по лестнице.

Внизу меня ждал парикмахер. Я свернула в боковой коридор, туда выходила комната, соединенная с моей личной ванной. Именно в этой комнате парикмахер обычно занимался моей прической. Софья толкнула ближайшую дверь, там был ее кабинет. В это время она разбирала почту, отвечала на звонки и письма. Через час мы встретимся вновь, она сообщит мне новости, которые сочтет заслуживающими моего внимания, а я продиктую ответы на письма, если это понадобится. В особо экстренных случаях Софья приходила ко мне, и тогда я диктовала ответ, пока мастер делал мне прическу. Однако я этого очень не любила и Софья тоже.

В доме все жили по установленным правилам, распорядок дня был практически неизменным. Тетушка Сусанна пойдет отдыхать, потому что встает ни свет ни заря и начинает изводить Наталью. Наталья тоже сможет отдохнуть, другого времени у нее просто не будет, Семеныч отправится за продуктами, а Роза будет готовить обед.

— Все просто отлично, — пробормотала я, испытывая смутное беспокойство. Неужто слова Сусанны так подействовали на меня? С какой стати? Если Софья крутит роман с Максом, я не возражаю. У Софьи, в отличие от меня, нет возрастных ограничений при выборе мужчин, а Максимум общение с ней пойдет на пользу. Как любит выражаться Софья,

«старая кобыла борозды не портит». Тогда отчего на душе кошки скребут?

Обычно мы с парикмахером болтали все то время, что он работал. Денис обожал поговорить и знал обо всем, что происходит в городе. Я охотно поддерживала беседу. Но сегодня все было по-другому. Слушала я его невнимательно, то и дело теряла нить разговора, отвечала невпопад, он обиделся и замолчал, а я продолжила копаться в себе, пытаюсь отыскать причину беспокойства. «Надо было спросить у Софьи о ее госте, не пришлось бы сейчас ломать голову», — досадливо подумала я и как раз в этот момент услышала крик.

Кричал, вне всякого сомнения, Олег Петрович, наш садовник. «Должно быть, кто-то из соседских ребяташек пролез на территорию», — решила я, но крики не утихали.

— Что там случилось? — проявил любопытство Денис и даже выглянул в окно. Совершенно напрасно, между прочим: окно выходило на дорогу, а крик раздавался из сада, то есть с противоположной стороны.

Тут дверь комнаты без стука распахнулась, и я увидела Наталью. Лицо ее покраснелось, точно она бежала бегом не один километр, глаза вытаращены, она комкала руками передник, потом вытерла им глаза и заголосила:

— Лариса Сергеевна, голубушка, горе-то какое...

— Что случилось? — вскочила я.

— Сусанна выпала из окна...